

⁶⁵ Die Zeit. 2011. 1. Juni.

⁶⁶ Die Zeit. 2011. 19. Mai.

⁶⁷ Berliner Zeitung. 2005. 11. Mai.

⁶⁸ Die Tageszeitung. 2011. 22. Juni.

⁶⁹ <https://www.asf-ev.de/de/zeichen-setzen/70-jahre-ueberfall-auf-die-sowjetunion/memorandum-aus-dem-schatten-der-erinnerung.html>

⁷⁰ *Giordano R.* «Ehe der zurückkehrende Bumerang den Werfer zerschmetterte...» // *Praxis Geschichte*. 2004. H. 4. S. 51–52.

⁷¹ См.: *Ich werde es nie vergessen. Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004–2006*. Berlin, 2007.

⁷² http://www.hu-berlin.de/pr/nachrichten/nr1106/nr_110622_01

⁷³ Neues Deutschland. 2011. 22. Juni.

⁷⁴ *Juni 1941 – Der tiefe Schnitt. Begleitbuch zur Ausstellung*. Berlin, 2011.

⁷⁵ В 1992 г. Мусьял получил гражданство ФРГ.

⁷⁶ *Musial B.* *Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen*. Berlin, 2008.

⁷⁷ *Müller R.-D.* *Op. cit.* S. 8.

⁷⁸ <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2009-2-04>

⁷⁹ Die Welt. 2011. 6. Juni.

⁸⁰ Frankfurter Rundschau. 2008. 8. April.

⁸¹ Das Parlament. 2008. 9–16. Juni.

⁸² *Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений*. Т. 1–4. Мюнхен, 2002–2010; *Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen*. Bd. 1–4. München, 2002–2010.

© 2012 г. А. В. КОРОЛЕНКОВ*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИЗИС 1938–1939 ГОДОВ: ТРИ НОВЫХ ИЗДАНИЯ

Международный кризис 1938–1939 гг. по-прежнему вызывает огромный интерес не только у исследователей, политиков, журналистов, но и у широкой публики: слишком серьезными оказались его последствия. Неудивительно, что 70-летие Мюнхенской конференции, а затем советско-германского пакта и начала Второй мировой войны вызвали новый всплеск дискуссий, в том числе и на страницах научных изданий. Обратимся к трем сборникам статей, увидевшим свет в 2009 г. и отражающим современный уровень рассмотрения предвоенных международных отношений как в России, так и за рубежом.

15–16 октября 2008 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялась научная конференция «Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность». По ее итогам в 2009 г. под редакцией Н.С. Лебедевой и М. Волоса был выпущен сборник, в который вошло 27 статей ученых из России, Польши, Германии, Франции, Италии, Чехии, Словакии на русском и английском языках¹. Некоторые из них выдержаны в характерном для советской идеологии стиле. «СССР был единственной страной, – заявляет К.К. Провалов, – которая на всем протяжении кризиса последовательно выступала против расчленения и захвата Чехословакии». По его же формулировке, «для СССР стало окончательно ясно, что основной целью англо-французской политики является направление германской агрессии на Восток» (с. 45–48). Какие-либо доказательства этого расхожего тезиса отсутствуют. Правда, В.С. Христофоров в своей статье приводит показания немецкого генерала А. Герстенберга, военно-воздушного атташе в Вар-

---

* **Короленков Антон Викторович**, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Новая и новейшая история».

шаве и Бухаресте в предвоенные годы: «Англичане и французы принимали активные меры к тому, чтобы направить германскую агрессию на Восток, против СССР, обещая за это отдать Гитлеру Чехословакию и Польшу» (с. 349). Однако это заявление носит слишком неконкретный характер и подозрительно точно совпадает с мнением сталинского руководства – пленный генерал явно говорил то, что от него хотели услышать. В данном вопросе все же лучше оперировать англо-французскими документами. Вообще в статье Христофорова, посвященной обзору материалов ЦА ФСБ, относящихся к Мюнхенскому соглашению, приводятся лишь те факты, которые укладываются в традиционную советскую схему событий 1938–1939 гг., хотя конечно, и такой обзор представляется небезполезным.

М.Ю. Мягков также считает, что Лондон и Париж стремились «задобрить фюрера Германии и тем самым отвлечь его от похода на запад, показав, что от него ожидают удара на восток» (с. 257). Однако и он не приводит никаких конкретных аргументов. Критикуя мюнхенское соглашение, автор не считает возможным поставить на одну доску с ним советско-германский пакт 1939 г. и сравнивает секретный протокол («осуждаемое, но широко практикуемое явление в международных отношениях того времени») с англо-польским соглашением 25 августа 1939 г., которое «фиксировало сферы влияния Великобритании и Польши» (с. 267–268)². Между тем, как уже отмечалось в историографии, в англо-польском договоре и протоколе к нему речь шла не о сферах влияния или интересах, а о странах, которые могут подвергнуться враждебным действиям со стороны Германии, «и третьи государства упоминались в нем исключительно в связи с тем, что возникновение реальных угроз их безопасности было бы равнозначно применению договора о взаимопомощи», причем оказание поддержки не должно было наносить «ущерба правам другого европейского государства, которого это касается»³. Ни одному европейскому государству протокол к англо-польскому соглашению не угрожал⁴. К сожалению, Мягков оставил эти соображения без внимания.

По мнению С.З. Случа, Советский Союз (а точнее – И.В. Сталин) не стремился оказывать эффективную помощь Чехословакии: Генеральный штаб РККА не разрабатывал соответствующих планов, а обсуждение мероприятий по защите Чехословакии с чехословацкими и французскими военными отклонялось под разными предлогами. Москва практически не пыталась дипломатическими средствами повлиять на политику Германии в отношении Чехословакии. Вслед за О.Н. Кеном Случ отмечает, что положение договора с Чехословакией, предусматривавшее оказание ей советской помощи лишь после выступления Франции, принадлежало, скорее всего, не Э. Бенешу, как принято считать, а советской стороне. Что же до советской военной демонстрации на границе в конце сентября 1938 г., в которой часто видят доказательство решительности намерений Москвы, то она «адресовалась» не Германии, а Польше, причем никаких заявлений в адрес Берлина или Варшавы при этом не делалось. «Строгое предупреждение» Польше 23 сентября 1938 г. на случай ее агрессии против Чехословакии СССР быстро «забыл» и не помешал оккупации Тешинской области. При этом нарком иностранных дел М.М. Литвинов и полпред в Праге С.С. Александровский более активно высказывались в пользу защиты Чехословакии, чем сам Сталин (с. 114–144)⁵.

Свой взгляд на советско-германские отношения изложил и немецкий историк Б. Бонвеч (с. 145–149). Одной из основ для сотрудничества двух стран, начало которому положил Рапалльский договор, стало, по его мнению, их враждебное отношение к Польше. Соглашение в Локарно (1925) способствовало сохранению этой основы, поскольку не гарантировало границ в Восточной Европе. Тем не менее сближение Германии с Францией в это время вызвало ответную реакцию со стороны Москвы в виде так называемого «протокола Литвинова» (подписанного в 1929 г. договора СССР, Польши, Румынии, Эстонии и Латвии об отказе от военной силы в решении межгосударственных вопросов). СССР стал одним из инициаторов пакта Бриана – Келлога в 1928 г. о запрещении агрессии, хотя его представителей на церемонию заключения пакта не пригласили, что свидетельствовало о неприятии Советского Союза западными держа-

вами. Приход к власти Гитлера изменил ситуацию, поскольку перед лицом германской угрозы в СССР увидели возможного партнера. Результатом стали договоры СССР с Францией и Чехословакией о взаимопомощи (второй из них мог «адресоваться» также и Польше). Однако действия западных держав в ходе войн в Абиссинии, Испании, а также аншлюса свидетельствовали об их неспособности помешать агрессии. Во время чехословацкого кризиса Москва заявляла о готовности оказать помощь Праге, даже если этого не сделает Франция, но официально свою помощь не предложила, и едва ли СССР, несмотря на все военные приготовления, решился бы на такой шаг в одиночку. После Мюнхена советское руководство еще больше укрепилось в своих подозрениях в отношении западных держав, от которых ожидали сговора с агрессором за счет СССР, и «если еще оставались какие-то иллюзии по поводу истинного значения концепции коллективной безопасности, то после Мюнхена они окончательно исчезли. Советская внешняя политика должна была искать новых путей и методов влияния на европейскую политику – или идти на открытое сотрудничество с нацистской Германией, или угрожать западным державам, что она сделает это» (с. 149). Обе возможности оказались испробованы летом 1939 г. К несчастью, выбор пал на первую, и ответственность за это несли не только СССР, но и Франция и Англия.

Французский историк Ф. Десберг указывает, что после аншлюса стало ясно: очередь за Чехословакией. Когда в мае 1938 г. там объявили о частичной мобилизации, министр иностранных дел Франции Ж. Бонне сообщил о готовности поддержать ее в соответствии с франко-чехословацким договором, но тем дело и ограничилось, тем более что Англия, по словам ее посла в Париже Э. Фиппса, отказывалась вмешаться иначе как в случае нападения Германии на Францию. Идея сотрудничества с СССР воспринималась холодно: Париж тревожила натянутость советско-польских отношений, да и боеспособность РККА в условиях чисток не вызывала доверия. Советская же сторона постоянно испытывала сомнения в твердости позиции Франции. Кроме того, если даже Литвинов в своих призывах противостоять агрессору был искренен, это не означало, отмечает автор статьи, что его позицию разделяли Сталин и Политбюро. Между тем Э. Даладьё и Бонне были убеждены, что Советский Союз не собирается оказывать военную помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии. В результате Мюнхенского соглашения Франция утратила в глазах Москвы значение партнера в борьбе с Германией, и теперь единственным возможным союзником в противостоянии Гитлеру оказалась Англия. Перемены во внешней политике Москвы были предсказуемы, и одной из них, как полагают французский посол в СССР Р. Кулондр, мог стать союз с Германией (с. 150–162). Очевидно, необходимо уточнение: *или* партнерство с Великобританией против Германии, *или*, если это окажется выгоднее, – сотрудничество с рейхом.

Польский историк М. Волос проанализировал особенности внешней политики Польши в 1932–1938 гг., когда министром иностранных дел был Ю. Бек (с. 24–44). По мнению автора, слухи о том, будто Пилсудский предлагал Франции нанести превентивный удар по Германии после утверждения там нацистов, имели целью не войну (на это рассчитывать не приходилось), а давление на Берлин в рамках начавшихся переговоров, результатом которых стала совместная декларация о неприменении силы. Хотя газеты писали о секретном приложении к ней, это были всего лишь слухи. Польшу не устраивало положение сателлита Франции, ее руководство хотело вести свою игру на международной арене. Но именно позиция великих держав определяла бездействие Бека в условиях аншлюса – поскольку Англия и Франция смирились с захватом Австрии, то и в Польше не видели смысла бурно реагировать. Что же касается ситуации вокруг Чехословакии, то хотя Польша стремилась вернуть Тешинскую волость (Заользье), потерянную в 1919 г., и обеспечить права польского меньшинства, в какой-то момент Бек как будто даже подумывал о помощи соседу, если Прага за ней обратится. В заключение автор размышляет, не было ли последним крупным достижением польской дипломатии то, что в 1939 г. она добилась от Англии и Франции объявления войны Германии.

Другой польский автор, М. Корнат, рассматривая польскую концепцию «Междуморья» (с. 59–83), также утверждает, что Польша в межвоенный период стремилась к проведению самостоятельной внешней политики. Бек был не прочь создать оборонительный блок восточноевропейских (Польша, Венгрия, Румыния), а в перспективе и южноевропейских (Греция, Югославия) стран. Чехословакия с ее прозападной ориентацией рассматривалась им как препятствие на пути реализации этого проекта. Вообще, как отмечает автор, оба государства считали друг друга искусственными политическими образованиями, и отношения их еще более осложнились территориальными претензиями Варшавы к Праге. Захват Тешинской волости в 1938 г., полагает он, рассматривался поляками не только как восстановление справедливости, но и как способ предотвращения захвата ее Германией (это весьма напоминает послевоенное советское объяснение присоединения к СССР Западной Украины и Белоруссии в 1939 г.). Однако это лишь ухудшало отношение к Польше в Англии и Франции. Ничего не дали и попытки Бека наладить отношения с Римом. Корнат признает утопичность планов Бека и указывает, что тот недооценивал стабилизирующую роль Чехословакии в Центральной Европе. Расчеты Бека на то, что чехословацкий кризис удастся использовать в интересах Польши, оказались ошибочными.

Соотечественник Волоса и Корната С. Жерко анализирует политику Польши во время Судетского кризиса. Он констатирует, что возможности для маневра у нее были ограниченными. Бек стремился балансировать между Францией и Германией, но в 1938 г. наметился крен в сторону последней. Варшава рассчитывала на дополнительные гарантии незыблемости польско-германской границы и сохранение status quo в отношении Данцига. Бек недооценивал германскую опасность и явно утратил чувство реальности, отзываясь о Гитлере как о разумном политике. Между тем тот уже в октябре 1938 г. вновь поставил вопрос о Данциге и изменении границ, причем в неприемлемой для Польши форме. Участие Польши в разделе Чехословакии произвело отрицательное впечатление на Западе, где, как полагает Жерко, плохо разбирались в мотивах поведения Варшавы. Впрочем, заметим, возмущение ее позицией вряд ли имело серьезное значение, поскольку Англия и Франция в любом случае не собирались по-настоящему помочь Польше при нападении на нее Германии (с. 163–192)⁶.

Различные подходы к освещению событий 1939 г. представлены и в сборнике «Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков», изданном под общей редакцией М.М. Наринского и С. Дембского⁷. Статья Н.К. Капитоновой выдержана в традиционном для советской историографии духе (с. 207–237). Автор показывает, что и после Мюнхена правительство Чемберлена продолжало политику «умиротворения». Правда, после захвата Чехословакии оно объявило о гарантиях Польше, причем премьер-министр, чтобы приглушить критику в свой адрес, сослался на то, что Москва наверняка поддержит этот шаг. Советская сторона была готова подписать совместную декларацию о консультациях в случае возникновения угрозы какой-либо европейской стране. Но Литвинов предупреждал, что «без Польши мы не подпишем», и так как Бек не захотел идти на переговоры с Москвой, подписание декларации не состоялось. Хотя в Англии нарастало движение в поддержку союза с СССР (который, в свою очередь, был обеспокоен ситуацией в Европе), Чемберлен и его сторонники до последнего момента были готовы пойти на соглашение с Германией, если бы та удовлетворилась Данцигом. Результаты такой позиции известны: «никаких революционных изменений в британской политике весной 1939 г. не произошло», и политика «умиротворения» продолжалась до самой войны.

Несколько иначе оценивает ситуацию накануне войны Е.О. Обичкина. Она отмечает, что советский полпред в Париже Я.З. Суриц в 1939 г. осторожно высказывался в пользу соглашения с Францией, но вынужден был писать в Москву крайне сдержанно, чтобы не навлечь на себя гнев Кремля слишком «вольными» формулировками. Для Сталина же и Молотова эффективность такого союза определялась наличием политического соглашения, а именно – ответом «на вопрос, будут ли пропущены советские части для оказания военной помощи в случае начала агрессии через территории Поль-

ши и Румынии». Неудивительно, что Англия и Франция отклонили слишком широкое толкование советской стороной понятия «косвенная агрессия», которое открывало перед СССР немалые возможности для экспансии в Восточной Европе. Однако их руководители явно недооценивали военную мощь СССР, а Бонне и Бек до последнего момента не верили в то, что Сталин и Гитлер могут договориться. Все это, как и взаимное недоверие между СССР и Западом, привело к печальным последствиям (с. 238–272).

С.З. Случ, анализируя политику СССР и Германии в отношении Польши, отмечает, что последняя не раз отказывалась от предложений Гитлера принять участие в войне с СССР (последний раз – в марте 1939 г.). Если Н.К. Капитонова пишет просто о нежелании Польши идти на переговоры с СССР, то в трактовке Случа дело оказывается сложнее. Варшава не желала участвовать не в переговорах как таковых, а в антигерманской акции вместе с СССР, что не одно и то же. Кроме того, вопрос о возможной советской помощи, судя по намекам Литвинова в разговоре с польским послом Гжибовским 4 апреля 1939 г., обуславливался подписанием политического соглашения, на которое Сталин вряд ли пошел бы без уступок со стороны поляков. От этого-то и отказалось польское руководство. В конце концов Сталин и Гитлер произвели раздел Польши, о возможности которого заместитель Литвинова В.П. Потемкин говорил еще в апреле 1938 г. (с. 309–348).

Особо следует остановиться на статье М.И. Мельтюхова (с. 149–181). Он не раз упоминает о готовности Англии и Франции пойти на соглашение с Гитлером за счет других стран, об их нежелании воевать за Польшу и двуличной позиции по отношению к ней. Политика Польши представлена им как прогерманская. В то же время автор признает, что летом 1939 г. советское руководство, как и союзники, вело переговоры лишь ради давления на Германию. Оно отнюдь не стремилось к военному соглашению с Лондоном и Парижем, о чем свидетельствовала инструкция, данная Ворошилову. В связи с этим не вполне понятно утверждение автора о том, что СССР пытался добиться союза с Англией и Францией. Пакт с Германией Мельтюхов оценивает как большой успех советской дипломатии, так как советские интересы были признаны одной из великих держав. Некоторые высказывания автора звучат при этом весьма двусмысленно. Так, по его словам, январские переговоры 1939 г. «показали, что Польша все еще не готова к соглашению с Германией» (с. 150), говорится и о «неготовности» Варшавы к прямым переговорам с Берлином 31 августа 1939 г. (с. 180). Между тем польское руководство вообще не собиралось принимать предложенные Гитлером условия, а 31 августа ни о какой договоренности не могло идти и речи. В статье сообщается об отмене фюрером 22 августа полета Геринга в Лондон (с. 176), хотя такой полет не планировался вообще и потому не мог быть отменен, а самому шефу люфтваффе отводилась в этой игре сугубо дезинформирующая роль⁸.

Иначе трактует внешнюю политику СССР 1938–1939 гг. М. Волос (с. 182–204). По его мнению, после прихода к власти Гитлера в Кремле и не думали отзывать посла из Берлина или ограничивать экономическое сотрудничество с Германией (хотя военное было все же, заметим, прекращено), несмотря на то, что нацистский режим использовался внутри Советского Союза в качестве пугала. Во время мюнхенского кризиса СССР (как, впрочем, и Франция), судя по всему, не собирался оказывать военную помощь Чехословакии. Сталин отверг предложение Литвинова о частичной мобилизации, в связи с чем автор задается вопросом: «Не думал ли Сталин в первую очередь о том, чтобы оставить себе “приоткрытую форточку” в Берлин и просто не раздражать Гитлера, чья сила росла день ото дня?» (с. 192). Ситуацию лета 1939 г. Волос оценивает так: «Что для Сталина было выгоднее: добиться в лучшем случае при посредничестве Англии и Франции согласия на проход Красной армии через восточную Малую Польшу и Виленский край или без утомительных переговоров моментально получить более обширные территории в Центральной и Восточной Европе с ведома и согласия Гитлера? ...Ответ очевиден» (с. 196). По поводу защиты Западной Украины и Западной Белоруссии от Германии, Волос ставит вопрос: а хотело ли население этих областей жить под властью страны Советов? Слухи о коллективизации, голоде на Украине, тер-

роре явно не способствовали таким устремлениям. Автор статьи не согласен и с тем, что в результате заключения пакта с Германией возникла буферная зона между СССР и Германией – напротив, после включения Восточной Польши и Прибалтики в состав Советского Союза последний оказался в прямом соприкосновении с Германией, а это увеличило риск агрессии.

Весьма интересна статья другого польского ученого – Я. Тебинки (с. 273–306). Он признает, что Англия и Франция недооценивали собственный военный потенциал, а также угрозу, исходившую для них от гитлеризма. Кроме того, они опасались, что победа над Германией откроет дорогу коммунизму и ослабит их колониальные империи. В Лондоне не предвидели возможности советско-германского соглашения. В то же время позиция Черчилля и других сторонников союза с СССР рассматривается как наивная, поскольку этот «союз» (автор ставит это слово в кавычки) угрожал Польше последствиями едва ли не худшими, чем «зависимость» от Германии. По обобщенному мнению Тебинки, переговоры в Москве летом 1939 г. «были заранее обречены на провал», какую бы позицию Польша ни занимала. Действительно, Сталин не хотел вступать в войну раньше, чем «империалисты» ослабят друг друга, и именно поэтому можно считать наивной тогдашнюю позицию Черчилля, которого опасность союза с СССР для Польши беспокоила далеко не в первую очередь. Интересны и соображения автора о предвоенной политике Англии. Именно она, а не Франция ужесточила позицию по отношению к Германии после оккупации Чехословакии. Англо-польское соглашение 25 августа отсрочило нападение на Польшу на несколько дней. Именно Англия добилась от Франции объявления войны Германии не 4, а 3 сентября. Правда, когда на польскую территорию вступила Красная армия, Париж намеревался отреагировать более жестко, а Лондон проявил сдержанность, что явилось еще одним рецидивом политики умиротворения, от которой британский кабинет окончательно отказался лишь в конце мая 1940 г. При этом «драма Польши заключалась в том, что ее территорию оккупировали две державы – Германия и СССР, а Великобритания находилась в состоянии войны только с первой из них» (с. 306). Эмоции автора здесь явно берут верх над здравым смыслом. Столь же спорно и утверждение, что действия Сталина по отношению к Польше зависели от позиции лондонского кабинета (с. 300).

В.И. Дашичев пишет о стремлении советской дипломатии начиная с 1933 г. создать систему коллективной безопасности, однако, по его мнению, в 1938 г. как западные державы, так и сталинское руководство оказались не в состоянии трезво оценить германскую угрозу. Гитлер, еще в 1934 г. допускавший при определенных условиях временный союз с СССР⁹, пошел на него в 1939 г. Пакт о ненападении стал «громкой победой нацистской дипломатии», которая нанесла «трудноизмеримый ущерб национальным интересам Советского Союза и остальных стран Европы». Его результатами стали и раздел Польши, и разгром Франции, и деморализация движения Сопротивления (с. 83–100). Стоит, однако, заметить, что причиной разгрома Франции стала не только появившаяся у Германии благодаря пакту с СССР возможность перебросить на запад войска после польской кампании, но прежде всего военная слабость самой Франции, а тезис о деморализации движения Сопротивления следовало бы конкретизировать.

По мнению В.П. Смирнова, пакт с Советским Союзом облегчил Гитлеру выполнение его задач. Фактический союз с Германией и пренебрежение международным правом нанесли серьезный ущерб репутации Советского Союза. Приобретения же СССР оказались непрочными из-за недовольства населения новоприсоединенных земель, вызванного насильственными методами присоединения и «советизации», что впоследствии стало одной из причин развала СССР. К тому же для того, чтобы пройти через эти территории, вермахту в 1941 г. потребовалось всего несколько дней (с. 9–45). Последнее утверждение Смирнова верно лишь в отношении западных территорий Украины и Белоруссии, тогда как Таллин пал лишь в конце августа 1941 г. Другое дело, что Сталин в 1939 г. и вообразить не мог ничего подобного и руководствовался явно не

оборонительными соображениями. Да и чтобы оборонять эти земли, не обязательно было их присоединять¹⁰.

В сборнике «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?», вышедшем под редакцией Н.А. Нарочницкой, слово предоставлено в основном сторонникам иных взглядов¹¹. Но прежде всего возникает вопрос: как составители понимают смысл слова «партитура»? Ведь это нотная запись музыкального произведения, т.е. выходит, что кто-то заранее расписал весь ход Второй мировой войны, тогда как, судя по содержанию сборника, речь явно идет только о ее прелюдии.

Сборник открывает статья Нарочницкой «“Концерт великих держав” накануне решающих событий» (с. 8–31). Высказывая мнение, что началом гитлеровских завоеваний (что, заметим, не равнозначно началу Второй мировой войны) надо считать Мюнхенский договор, Нарочницкая возмущается, «почему не считается Второй мировой войной ни оккупация Италией Албании, ни война в Северной Африке, ни масштабная война Японии против Китая» (с. 9). Если в последнем случае предмет для разговора есть, то первые два явно притянуты: захват Албании не был войной ни *de jure*, ни *de facto*, а в Северной Африке бои начались только в 1940 г. Если же имеется в виду захват Италией Эфиопии, которая к Северной Африке не относится, то ни одна из этих стран не являлась мировой державой – как же говорить о начале мировой войны? «Пора дать должную оценку и роли Польши в Мюнхене (вообще-то в Мюнхене польских представителей не было. – А.К.)... Все умалчивают о том, что... в Мюнхенском процессе Польша сама сыграла роль мелкого хищника» (с. 10). Неужто все до единого? Между тем иные западные историки признают не только неблагоприятную роль Польши в тех событиях, но и куда более серьезные вещи: как пишет, например, Х. Рэгсдейл, «настоящая цель Бека состояла не в овладении Тешинской областью, которое было лишь предлогом. Настоящей его целью, как и для Гитлера, являлось уничтожение Чехословакии»¹². Нарочницкая утверждает, что стремление Польши к захвату украинских и литовских земель «толкало ее ревностно убеждать (*sic*) германскую сторону сделать ставку на Польшу» (с. 23). Единственное доказательство – ссылка на В.Я. Сиполса, историка отнюдь не беспристрастного. Куда убедительнее выглядели бы выдержки из документов, но чего нет, того нет. А популярная идея о желании Запада натравить Германию на СССР и вовсе доводится до абсурда: «Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии... Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток» (с. 17–18). Видимо, сильные выражения призваны восполнить отсутствие доказательств. Дальше – больше: оказывается, западные державы требовали от Чехословакии «не выводить экономические и производственные мощности» из Судет (с. 11). Но вот откуда такие сведения – загадка. И настоящая сенсация: в 1939 г. «было известно всем», что Гитлер «имел уже готовые и проработанные планы не просто нападения, а завоевания и подчинения и Востока, и Запада» (с. 26). А историки наивно полагают, что план «Барбаросса» начал разрабатываться лишь в июле 1940 г. Наверное, СССР в понятие «Восток» в данном случае не входит. И, наконец, подлинный «шедевр» – термин «польские пангерманисты» (с. 23). Как тут не вспомнить о «пархатых казаках» из «Семнадцати мгновений весны»!

В том же духе написана и статья В.М. Фалина «К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией» (с. 32–101). Характеризуя, например, условия Компьенского перемирия, в соответствии с которым германским войскам предписывалось покинуть Россию лишь тогда, когда им это укажут союзники, автор резюмирует: «Сравним брестский диктат с компьенским. Затруднительно определить, чей жаргон был “похабней”. Ясно одно: [подписавший Компьенское перемирие] имперский министр Эрцбергер, как он ни прилаживался к русофобскому хомуту, не сумел вывести Германию из компьенского ошипа менее ободранной и обесчещенной. Вместе с тем никто не оспорит, что немцы выволокли Финляндию, Литву, Латвию и Эстонию на антисоветскую стезю. И пока правителям Германии кое-что перепало от зарешечивания петровского окна в Европу, неудобства холуйства оставались терпимыми» (с. 42).

Здесь ухарский и не очень грамотный стиль (не может хомут быть ни русофобским, ни русофильским!) «гармонично» сочетается с искажением фактов. Вместо слов «никто не оспорит» следовало бы написать: никто не доказал, что политика этих стран определялась Германией. Более того, с Литвой у Советской России и СССР отношения были и вовсе неплохие. Неясно также, что за выгоды имела Германия от «зарешечивания петровского окна в Европу». На с. 43 утверждается, что в «походе 14 держав» (хотелось бы знать, каких?) июля 1919 – февраля 1920 г. «за исключением поляков, малые страны рвения не проявили». Между тем именно бездействие поляков во многом способствовало поражению Деникина, что, кстати, вызвало сильное недовольство в Лондоне¹³. Дальнейший разбор этого текста представляется бесперспективным.

Другие статьи сборника выдержаны в более умеренном стиле. А.В. Шубин дает понять, что он занимает позицию между «консервативно-державной» и «либерально-западнической» историографией, тем самым, видимо, намекая на свою оригинальность и на отсутствие иных направлений (которые, однако, существуют). В целом он придерживается советской трактовки событий предвоенных лет: Сталин будто бы до 1939 г. стремился сдерживать Гитлера любыми, даже силовыми методами (примеры этого не приводятся), однако после Мюнхена понял, «что предотвратить захват Гитлером Польши не удастся», и решил «отгородиться от гитлеровской экспансии хотя бы на время. А будет за пределами его сферы влияния война или нет – дело Гитлера и Чемберлена. Гитлер и Чемберлен предпочли войну, что не огорчило Сталина, хотя он и не был инициатором этого их решения» (с. 159). В отличие от Нарочницкой и Фалина, Шубин признает, что сталинская трактовка понятия «косвенной агрессии» открывала для СССР возможности для нападения на соседей, почему союзники и отказались принимать такую формулировку. Но дальнейшее изложение озадачивает: Молотов якобы «уперся», и «англичане использовали прямолинейность Молотова, чтобы загнать переговоры в тупик» (с. 139). Получается, что они сорвали их, придравшись к мелочи («формулировке»). Между тем речь шла о вещах отнюдь не второстепенных.

Шубин не оспаривает антипольский характер пакта 1939 г., но оправдывает его тем, что в результате советско-германского договора ликвидировалась возможность германо-польского сближения, да и сама Польша не хотела пропустить наши войска через свою территорию. Альтернатива пакту была, по мнению Шубина, менее выгодна для СССР (с. 120–163)¹⁴. На вынужденном характере пакта настаивают также А.Г. Дульян (с. 32–101), Ю.В. Рубцов (с. 194–207), Ю.А. Квицинский (с. 294–309), которые повторяют хорошо известные тезисы о том, что пакт дал возможность выиграть время, обеспечивал нейтралитет и вовсе не являлся причиной Второй мировой войны. Впрочем, они отмечают, что пакт содержал в себе не только плюсы. Конечно, не советско-германский договор привел к войне, но он, несомненно, облегчил Гитлеру завоевание Польши. Кроме того есть немало примеров военного сотрудничества между СССР и Германией в 1939 г., которые позволяют усомниться в советском нейтралитете¹⁵. Наконец, сама постановка вопроса о том, насколько вынужденным было заключение пакта, представляется некорректной, поскольку Сталин на протяжении 1930-х гг. постоянно стремился к сближению с Германией (что само по себе было вполне рационально) и не мог добиться его лишь из-за противодействия Гитлера¹⁶. Таким образом, речь шла, судя по всему, о его давнем и осознанном выборе.

В.В. Симиңдей обличает «антисоветский флирт» Латвии в 1934–1940 гг. По его словам, министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс склонялся к мнению, что советско-германский договор пойдет на пользу безопасности его страны (об ошибочности такого расчета не упоминается). Неудачно и высказывание Симиңдея о «признании» Мунтерсом «Итальянской империи», выразившемся в тосте за короля Италии как императора Эфиопии – признание может исходить лишь от правительства (с. 241–268). М.В. Демуриң критикует прибалтийских националистов, считающих присоединение Эстонии, Литвы и Латвии к СССР аннексией. Его возмущает мнение о нелегитимности выборов 1940 г., так как и обретение независимости этими странами происходило в условиях иностранной оккупации и сопровождалось недемократическими выборами.

Однако тогда оккупантами были проигравшие Первую мировую войну немцы, которые вскоре покинули Прибалтику. К тому же вмешательство Антанты в 1918 г. привело к обретению независимости, а СССР в 1940 г. – к ее утрате. Более объективно (прежде всего с юридической точки зрения) оценивает события августа–сентября 1939 г. В.С. Макаручук. Он не без основания оспаривает правомерность как решения II Съезда народных депутатов СССР о признании секретного протокола к пакту о ненападении недействительным с момента подписания, так и заявления советской стороны о прекращении осенью 1939 г. существования польского государства. СССР явно старался отмежеваться от гитлеровской агрессии в Польше, и его пропаганда имела успех даже среди части поляков, дезориентированных ею. Польские солдаты охотнее сдавались в плен Красной армии, а не вермахту, так же как немцы в 1945 г. – англо-американцам (с. 208–240). В.В. Марьина приводит интересный материал о последних месяцах Чехословакии и ее захвате гитлеровцами (с. 269–293). С.Н. Дрожжин рассматривает проявления антисоветских, антироссийских и/или националистических настроений в европейской историографии и публицистике, освещающей события предвоенных и военных лет (с. 310–335).

Завершается книга подборкой из 35 дипломатических документов (3 – с купюрами) марта–августа 1939 г., из которых только 6 ранее не публиковались (№ 9, 10, 13, 23, 25, 31). Секретный протокол к советско-германскому пакту печатается «по сохранившейся машинописной копии» (с. 409), хотя давно уже обнаружены его подлинники¹⁷. В подборке находится и инструкция, данная Ворошилову 7 августа 1939 г. перед началом военных переговоров с Англией и Францией. Ему предписывалось все «свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам», т.е. соглашения не заключать. Жаль, что сторонники мнения о готовности СССР к союзу с Англией и Францией, чьи статьи помещены в сборнике, не обратили на это должного внимания.

Материалы проанализированных сборников показывают, что несмотря на обилие публикаций по предыстории Второй мировой войны, остается еще широкое поле для исследований, возможны новые открытия, оригинальные и убедительные интерпретации. Однако на позицию даже весьма квалифицированных авторов зачастую влияют их политические и национальные пристрастия (так, ни один из названных польских историков не дал отрицательной оценки захвату Польшей Тешинской области), далеко не всегда учитываются доводы оппонентов, встречаются ссылки на не самые надежные источники. А иные авторы, рассуждая о фальсификации истории, демонстрируют такое обращение с материалом, что встает вопрос либо об их полной профессиональной непригодности, либо о той самой фальсификации, с которой они будто бы борются. Полная объективность при обсуждении сравнительно недавних событий вряд ли возможна, но в основе аргументации все же не должно лежать искажение фактов.

Примечания

¹ Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009.

² См. также: Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2002. С. 61.

³ Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. М., 1990. С. 324.

⁴ Случ С.З. Предисловие // СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 18.

⁵ Позиция Случа вызвала критику со стороны М.И. Мельтюхова и А.В. Шубина, которая изложена в историографическом обзоре В.А. Неvejина «Советский Союз и Мюнхенская конференция 1938 г.: взгляд из XXI века» (с. 422–424). Однако многие аргументы Случа, как и других авторов, занимающих сходную позицию (см., например: *Pons S. Stalin and the Inevitable War. 1936–1941. L.; Potland, 2002. P. 130–136*), остались не опровергнутыми.

⁶ В сборнике также напечатаны статьи и доклады А.О. Чубарьяна, Б. Ференчуговой, К. Кани, А.В. Шубина, Ю. Царуски, В.П. Любина, Х. Воллера, М.И. Мельтюхова, Е.В. Борейши, В.В. Марьиной, Я. Немечка, Я. Бруски, Я. Войтковяка, Д.Г. Наджаfoва, Н.С. Лебедевой, О.В. Павленко.

⁷ Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009.

⁸ Случ С.З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 91. Примечание 106.

⁹ Тезис спорный, поскольку он опирается на ненадежный источник – мемуары эмигранта Г. Раушинга.

¹⁰ В сборник также вошли статьи С. Дембского, С. Жерко, М. Корната, Н.С. Лебедевой, Я. Войтковака.

¹¹ Партитура Второй мировой: кто и когда начал войну? М., 2009.

¹² Ragsdale H. The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. Cambridge, 2004. P. 10.

¹³ См., например: Debo R. Survival and Consolidation. The Foreign Policy of Soviet Russia 1918–1921. Montreal, 1992. P. 191–194.

¹⁴ В заключение укажем, что странно звучит использованное автором для названия одного из разделов статьи выражение «домокловы клещи» (с. 126) – это такой же курьез, как и «геркулево пята», да и меч все же «дамоклов».

¹⁵ См. подробнее: Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5–6.

¹⁶ Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.

¹⁷ Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–12.

Общественная мысль России: новые подходы

28–29 октября 2010 г. в Москве прошла конференция «Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления». В ней приняли участие историки, филологи, философы, политологи из России, Германии, Франции, Великобритании, США, Израиля. История отечественной общественной мысли рассматривалась со времен ее зарождения в Киевской Руси и до настоящего момента. В докладах был представлен широкий спектр тем, затрагивались вопросы развития политической, социальной, философской, исторической, религиозной мысли, особенности консервативных, либеральных, социалистических концепций. Столь широкий круг проблем и представительный список участников, несомненно, обеспечат читательский интерес к опубликованным материалам конференции¹. Ее значение объясняется еще и тем, что она фактически подытожила результаты масштабного издательского проекта – публикации 119-томной «Библиотеки отечественной общественной мысли», в рамках которой вышли в свет труды российских мыслителей, начиная с памятников древнерусской книжности и кончая сочинениями публицистов, литераторов, философов первой половины XX в.²

Значительное внимание на конференции было уделено часто игнорируемым теоретико-методологическим вопросам. Так, В.В. Шелохаев выступил с докладом об общественной мысли как теоретической и историографической проблеме, в котором дал определение этому явлению и обозначил этапы его становления. В выступлении И.Ю. Юргенса речь шла о возможностях адаптации модернизационных процессов в России к традиционным ценностям. Л.А. Опенкин поставил вопрос об актуальности наследия отечественных мыслителей в связи с трансформацией, которую переживает современное общество и государство. В.В. Журавлев говорил об опыте подготовки энциклопедий, посвященных общественной мысли, который позволил ему охарактеризовать нынешнее состояние историографического осмысления интеллектуальной жизни России. С.С. Секиринский коснулся проблемы «направленчества» как среди общественных деятелей XIX–XX вв., так и среди исследователей XXI столетия, указывая на необходимость преодолевать его в историографии, не замыкаясь в рамках идеологических построений столетней давности.